

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

И. А. КРАСНОВА

ГОРОЖАНКИ ФЛОРЕНЦИИ МЕЖДУ СЕМЬЕЙ И МОНАСТЫРЕМ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ВЫБОР, БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Ключевые слова: женская история; позднесредневековая Флоренция; брачные стратегии городской элиты

Аннотация: В статье анализируются возможности выбора жизненного пути женщинами из знатных семей позднесредневековой Флоренции. Внимание автора сосредоточено в равной степени как на вариантах вступления в брак, так и на альтернативных ситуациях.

В пределах одной статьи можно лишь наметить контуры определенных моделей женского поведения и образа жизни, затребованных городской средой или оказавшихся в фокусе ее внимания. Исследования, имеющиеся в зарубежной историографии, представляют большой интерес, но посвящаются, как правило, полярным позициям. Как правило, в них рассматривается положение женщин в городских семьях разного социального уровня¹. В последние десятилетия объектом изучения становятся женские монашеские общины, возникающие при конвентах «третьи ордена», и образы женской святости, персонифицированные в фигурах местных святых или блаженных². Крайняя скудость источниковой базы не дает осо-

¹ *Klapisch-Zuber C.* Women, family and ritual in Renaissance Italy. Chicago, London, 1985; *Eadem.* La maison et le nom: strategies et rituals dans l'Italie de la Renaissance. Paris, 1996; *Lenzi M. L.* Donne e madonne: L'educazione femminile nel primo Rinascimento. Torino, 1982; *Furlan F.* La donna, la famiglia e l'amore tra Medioevo e Rinascimento. Firenze, 2004.

² *Benvenuti A., Papi M. D.* La nuova religiosità e le eresie (XI–XIII) // La società comunale e il policentrismo. Milano, 1986. P. 191–235; *Benvenuti Papi A.* «In castro poenitentiae» Santità e società femminile nell'Italia medievale. Roma, 1990; *Barone G.* La religiosità femminile a Roma e Firenze nel basso Medio Evo: un con-

бой возможности выявить положение женщин, оказавшихся в пограничном состоянии: представители городской среды меньше всего уделяли внимания дочерям, сестрам и вдовам, которые не имели шансов вступить в престижный и перспективный для всей фамилии брак. Такие представительницы городских семей оставили о себе меньший след на страницах писем, семейных хроник, мемуаров, дневников и хозяйственных книг.

К началу XV в. в сфере ментальных представлений города на Арно отчетливо заметны две женских ипостаси, воплощающие насущные запросы и потребности повседневной жизни: они постулировались в образах хорошей жены и «истинной вдовы». Если в обыденном сознании складывался набор эталонных признаков, маркирующих определенные женские фигуры, то в более высоких и тонких культурных пластах происходило конструирование соответствующих идеальных моделей, в котором в равной степени были задействованы как светские авторы, так и представители церкви.

Самое традиционное представление о женщине, необходимой в семье, кристаллизовалось в образе достойной супруги, обладающей комплексом немногочисленных качеств — безусловной покорностью мужу, благочестием, способностью обеспечить фамилию потомством и владением трудным искусством женского «домостроя», то есть умением управлять той частью домохозяйства, которая исконно находилась в ведении хозяйки дома. Видный флорентийский горожанин Маттео Корсини, упоминая в сухих и лаконичных регистрациях своей домашней книги о женах, помимо суммы приданого, фиксировал их плодовитость. Его супруга Лоренца за 24 года брака произвела на свет 20 детей, а его невестка Сальваджа — «прекраснейшая женщина» — за 8 лет родила 6 детей³.

«Домашней хронике» Донато Веллутти, составленной в последние 3 года жизни автора, с 1367 по 1370 г., будет уделено особое внимание, поскольку ее материал широко охватывает городскую «фамилию», разветвленную и многочисленную семью-консортерию, позволяя проследить судьбы ее представителей на протяжении почти 100 лет. При описании примерно 120 женских

fronto // *La Toscane et les Toscans autour de la Renaissance. Cadres de vie, socialite, croyances.* Publications de l' Université de Provence, 1999.

³ *Il libro di ricordanze dei Corsini (1362–1457)* / A cura di A. Petrucci. Roma, 1965. P. 81–82.

персон самые пространные аннотации автор посвящал именно женам, разделяя их на хороших и плохих. Образцовыми фигурами первого плана являлись мать автора «Домашней хроники» монна Джованна и его первая супруга Биче ди Ковоне Ковони. Мать Донато полностью соответствовала стереотипной формуле женской привлекательности: «красивая, высокая, полнотелая».

«Монна Джованна, супруга указанного Берто, прозванного Ламберто (отец автора — И. К.), и моя мать, была мудрой и красивой женщиной, очень свежей и с румяным лицом, весьма крупной персоной; честной и очень добродетельной».

Далее демонстрируется безукоризненная супружеская верность женщины, вынужденной подолгу оставаться без мужа, который служил одним из управляющих в торгово-банковском доме Перуцци, в частности, долго руководил филиалом на севере Африки.

«Она много действовала и старалась, чтобы взрастить меня и моих братьев; взяв в расчет, что мы, можно сказать, не имели другого руководства, потому что очень долгое время наш отец находился за пределами города: по каковой причине ее очень хвалили. Одобряли ее за честный образ жизни при том, что она была очень красивой, а муж все время пребывал за пределами дома, хотя и питал к ней великую нежность из-за ее цвета лица и свежести».

Наконец, главное качество:

«Она являлась прекрасной хозяйкой; и имела нужду поступать так (экономить — И. К.), потому что наш отец мало получил, отделившись от братьев при наличии большой семьи».

Он отмечал также благочестие матери и ее достойную кончину, какая подобает истинной христианке⁴. Теми же чертами отличалась и Биче⁵, первая жена Донато, исключая внешность:

«Она являлась столь же милой, мудрой и очень доброй женщиной, сколь и некрасивой; ею я был очень доволен, и впоследствии от этого брака всякое благо, как и от родства, и я был очень счастлив в этом мире, пока она была жива»⁶.

⁴ *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370 / A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914. P. 119–120.

⁵ *Ibid.* P. 159–160.

⁶ *Ibid.* P. 160.

Вторично он упоминал о ней в более поздней записи:

«Она была маленькой и некрасивой; но мудрой, доброй, мягкой, любящей, хорошо воспитанной, преисполненной всяких добродетелей и совершенств, и она всегда стремилась любить и желать блага всякой персоне: и я очень ее почитал, ибо она любила меня и желала всем сердцем... Жила она со мной в добром согласии, способствовала возрастанию моей чести, славы и имущества... она совершала добрые и благородные поступки, была очень милосердна, молилась и посещала Церковь»⁷.

Заметен тот же набор стереотипных признаков: кроткая и послушная жена, хорошая хозяйка, приумножающая имущество, и благочестивая христианка. В обоих случаях просматривается определенный эталон, за рамками которого невозможно рассмотреть индивидуальность характеризуемых женщин. Через три четверти века Лука ди Тотто да Панцано примерно в тех же выражениях изъяснял чувства по поводу смерти первой жены:

«Я скорблю так, как будто это я сам умер... Великим даром обладала эта женщина, и о ней скорбел весь народ Флоренции, поскольку она была добра, нежна, прекрасно воспитана, побуждала хорошо думать о себе всех, кто ее знал. Умерла в покорности и умилении... и я уверен, что Господь по великому милосердию призовет ее в сонм ангелов»⁸.

Тот же образец жены, хотя и отличающийся некоторой спецификой, представил Джованни Морелли в портрете своей сестры Бартоломеи (Меа), «опытной в ведении домашних дел, экономной и очень ловкой в управлении семьей»⁹.

Ничем не отличались от вышеприведенных и другие «примерные супруги» под пером Веллутти. Сестра Биче Джиневра:

«Высокая, красивая, одна из самых виртуозно умудренных и дельных женщин, подобных которой я не видывал, и из тех, кои из милосердия, жалости и доброты стремятся желать блага любой персоне».

Добавляется лишь одна похвальная, на взгляд Донато, деталь:

⁷ Ibid. P. 290–291.

⁸ Luca di Totto da Panzano di Firidolfi. Ricordanze / Carnesecchi C. Un fiorentino del secolo XV e le sue ricordanze domestiche. Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano // Archivio storico italiano. Firenze, 1889. IV. P. 158–159.

⁹ Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956. 46b. P. 180–181.

«она нещадно порола младшего сына Джано, потому что оказался он подлым и порочным», но исправить сына ей таким образом не удалось «и по сей день он пребывает в тюрьме»¹⁰.

С большим одобрением Донато отзывался о своей теще, матери второй жены:

«Она очень красивая и крупная женщина в возрасте 50 лет, очень мудрая, толковая, деловая, хорошая хозяйка и достойная, насколько женщина может быть достойной».

Здесь также добавляется одно примечание по поводу особых способностей тещи: «прекрасная сиделка», обладающая способностями к врачеванию, «подобно настоящему медику»¹¹.

Высшей похвалы, которую воздает образцовой супруге Донато Веллутти, удостаивается способность благотворно воздействовать на мужчину в управлении семейными делами. Таких случаев отмечается всего два. Первый — Монна Бартоломеа, одна из дальних родственниц, которая «была красивой и честной женщиной», хотя и бездетной:

«И перенесла она на мужа любовь великую, но разумную, потому что он изменился к лучшему, поскольку она была доброй хозяйкой», а Якопо, ее муж, «жил до брака не слишком похвально, имея хорошее положение [в обществе]. но маленькое состояние»¹².

Та же сентенция, означающая верх женской доблести в браке, относится к уже упомянутой теще:

«Не удивительно, что такие [женщины] управляют мужьями, сыновьями, братьями и другими персонами»¹³.

По поводу этих идеализированных и по большей части стереотипных констатаций стоит внести два комментария. Во-первых, просматривается определенный ритуал, связанный с семейным обиходом и представлениями о браке: теплые и даже восторженные характеристики высказываются, как правило, по поводу первых жен, что дает основания подозревать в иерархии семейных ценностей более

¹⁰ Velluti D. Op. cit. P. 296.

¹¹ Ibid. P. 307.

¹² Velluti D. Op. cit. P. 48.

¹³ Ibid. P. 307.

высокое место первого брака по сравнению с последующими. Донато Веллутти никак не характеризовал свою вторую супругу, хотя, возможно, до нее просто не дошла очередь, но зато много внимания уделял тяжбе с ее родственниками по поводу причитающейся ей доли имущества. Во-вторых, явно заметна зрелая определенность и своего рода «законченность», четкая апробированность эталона образцовой жены: зажиточные деловые люди внутри городских стен довольно точно формулировали свои потребности.

Представители городской культуры улавливали эти импульсы и, отвечая на них, создавали модели идеальных жен и хозяек дома, конструируя их в абстрактно-обобщающем виде, или же используя реальные прототипы. В первом случае портреты «добрых супругов» часто вписывались в общую ткань морально-дидактических трактатов или произведений, посвященных теме «домостроя»¹⁴. Вторым путем использовали биографы. Веспасиано да Бистиччи восславил выдающихся женщин, образцовых жен и хозяек: Мариэтту Строцци, Алессандро де Барди Строцци, Франческу Тебальдуччи Аччайуоли, Катерину Строцци Ардингелли¹⁵.

Вторая женская ипостась, весьма положительно оцениваемая и соответствующая вновь возникающим запросам, — образ «истинной вдовы» — была вызвана к жизни особенностями демографической ситуации, складывающейся в итальянских городах: довольно поздний возраст вступления в брак для мужчин — 33 до 40 лет (нижняя возрастная грань — 18 лет); очень ранний возраст вступления в брак для женщин — от 13 до 17 лет (нижняя возрастная грань — 12 лет)¹⁶; значительный возрастной разрыв между супругами, предопределяющий более ранний уход из жизни мужчины.

По традиции вдова получала из имущества супруга возмещение суммы приданого, а также положенную ей по завещанию вдовью

¹⁴ См.: *Tattatto del governo della famiglia d' Agnolo Pandolfini / Da Basilio Puoti*. Napoli, 1839.

¹⁵ *Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV*. Firenze, 1859. P. 272–273, 525–558. В этот сборник вошла полная биография Алесандры де Барди Строцци. Краткий вариант ее жизнеописания, как и биографий других выдающихся женщин, помещен в издании: *Frammenti di un trattato storico-morale. Notizie di alcune illustri donne del secolo XV, scritte da Vespasiano da Bisticci // Archivio storico italiano*. Firenze. 1843. T. IV.

¹⁶ См.: *Herlihy D. Vieillir à Florence au Quattrocento // Annales E. S. C.* 6. Paris, 1969. P. 1341–1342; *Herlihy D., Klapisch-Zuber C. Les Toscans et leurs familles. Une etude du «Catasto» florentin de 1427*. Paris, 1978.

часть, и возвращалась в свой линияж, а рожденные ею дети оставались в консортерии мужа, считаясь ее неотъемлемой частью. Выше говорилось о том, что Донато Веллутти представлял свою мать совершенным примером супруги и хозяйки. Но вряд ли образ идеальной матери своих детей можно считать типичным для этой среды: часто мать вообще не упоминалась в архивах флорентийских горожан, поскольку при ее уходе из рода мужа и повторном замужестве связи с детьми от первого брака полностью разрывались. Не напрасно Джованни Морелли в качестве идеального женского образа представлял старшую сестру, а не «жестокую мать», которая, оставив четверых малых детей, после ранней смерти супруга потребовала свою долю имущества, вернулась к братьям и сразу вновь вышла замуж. Детей воспитывали и опекали родственники отца, которые расхищали и присваивали их имущество: «выворачивали сирот наизнанку»¹⁷. Наиболее яркую и трагическую картину детства несчастных сирот создал Джованни Морелли¹⁸, но ее более бледные копии можно найти почти во всех памятниках купеческой литературы.

Проблемы вдовства и сиротства детей после смерти отца являлись, пожалуй, доминирующей темой, связанной с местом женщин в семье, которая привлекала внимание не только горожан — авторов домашних хроник и мемуаров, но и биографов, авторов новелл, проповедников и теологов, инкорпорированных в городскую среду. Оставшиеся при живой матери сиротами дети, плохо опекаемые родичами отца, часто терпели с детства различные притеснения и несправедливости. Но и возвращающаяся в свой род-консортерию вдова далеко не всегда могла рассчитывать на радушный прием: если она вышла из детородного возраста и не приносила с собой имущества, способного составить ее приданое, то ее семья не могла быть в ней заинтересована. Родственники, не имевшие в перспективе нового престижного родства, не желали обременять себя заботами, связанными с ее повторным замужеством или содержанием у себя в доме. Богатый купец и олигарх Маттео Корсини спешил «сбыть с рук» свою дочь Катерину, вернувшуюся к нему в дом после смерти первого мужа¹⁹. Лука ди Тотто да Пан-

¹⁷ *Morelli G. Ricordi*. 50b-51a. P. 202–203.

¹⁸ *Ibid.* 41a. P. 145–147.

¹⁹ *Il libro dei Corsini*. P. 66.

цано также не скрывал своего раздражения по поводу возвращения вскоре после свадьбы его дочери Гостанцы «в одной паре башмаков, без одежд и покрывал, подобающих вдове». Он также поспешил выдать ее замуж за первого попавшегося жениха²⁰.

Эти обстоятельства обуславливали появление образа «истинной вдовы», оставшейся с детьми от первого брака и отказавшейся от возможности нового замужества. Хотя в домашних книгах представителей городской среды проявляются колебания, вызванные резонными доводами, что не всякая женщина способна позаботиться о детях²¹, тем не менее, светские и религиозные авторы формировали идеальный тип вдовы, явно отвечающий насущным потребностям семейных отношений в городской среде²². Сложность заключалась в том, что на таких женщин возлагалась новая функция, несвойственная супругам, — ответственность за воспитание детей. Известные теологи и архиепископы посвящали вдовам, самостоятельно воспитывающим детей, специальные трактаты; не считаясь с затратами времени²³, вели с ними отдельную переписку, неустанно утешая и наставляя женщин, взваливающих на свои плечи груз нетрадиционных забот²⁴. И близкий к кругу гуманистов Веспасиано да Бистиччи, и богословы в одинаковой степени прославляли «истинных вдов» — «светских монахинь», отличающихся строго аскетическим и благочестивым образом жизни в семье со своими детьми. Вместе с тем, Антонин Флорентийский, как и известные

²⁰ Luca di Totto da Panzano di Firidolfi. Ricordanze. P. 159–160.

²¹ Morelli G. Op. cit. 53a. P. 216–218; Cecchi D. Riforma sancta et pretiosa // Mazzone U. «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978. P. 190.

²² См: Веспасиано да Бистиччи. Алессандра де Барди / Пер., коммент. и вступ. статья И. А. Красновой // Адам и Ева. М., 2003. № 5. С. 209–244; Frammenti di un trattato storico-morale...

²³ В 1405 г. Джованни Доминичи составил трактат о воспитании детей, остающихся на попечении матери, по просьбе Бартоломеи дельи Альберти. См.: Dominici G. Regola del governo di cura familiari / A cura di D. Salvi. Firenze, 1860.

²⁴ Архиепископ Флоренции Антонин Флорентийский посвятил специальный трактат о добром образе жизни сестрам Торнабуони: *Santo Antonino. Opera a ben vivere / Per cura di M. Cellini*. Firenze, 1858. Он поддерживал переписку с вдовами — Джиневрой де Медичи, Анналеной д' Ангвилара, Диодатой дельи Адимари: *Santo Antonino. Lettere di sant' Antonino, arcivescovo di Firenze*. Firenze, 1859.

проповедники XIV–XV вв., удерживал вдов, имеющих на попечении детей, от вступления в монашескую общину, указывая на первоочередную необходимость исполнения мирских обязанностей по отношению к детям и родственникам²⁵. Именно в этом образе в первую очередь апробировалась не родительница, ибо вдова не могла выполнять эти функции, но мать, воспитывающая своих детей.

Вряд ли в городской среде можно говорить об образе идеальной дочери, ибо вместе с ней появлялось на свет большое количество докучливых забот для отцов и матерей. Если в хозяйственных книгах, семейных хрониках и мемуарах горожан почти всегда проявлялось эмоциональное начало по отношению к сыновьям, обнаруживались всплески искренней родительской печали по поводу их безвременной смерти²⁶, то на долю дочерей доставались лишь бесконечные сетования о разорительных суммах приданого, о трудностях поиска подходящего жениха, о порочащих слухах и позорящей молве, которые в замкнутом городском пространстве могли быть вызваны малейшим родительским недосмотром или неосторожным поступком самой девицы. Разумеется, главной проблемой являлся размер приданого, который постоянно возрастал в XIV–XV вв.²⁷. Вокруг его суммы велись долгие споры и многолетние судебные тяжбы, затягивающие помолвку на годы. В мемориях купцов XV в. и даже на страницах хроник часто можно встретить «крик души» главы семейства:

²⁵ См.: Краснова И. А., Пастельняк О. Г. Проповедник и его духовные дочери. Антонин Флорентийский. Письма // Диалог со временем. М., 2008. Вып. 12. С. 331–389.

²⁶ *Velluti D. La cronica domestica*. P. 310–313. Донато Веллутти повествовал о мучительных операциях и тяжелой кончине своего сына Ламберто в возрасте 26-ти лет. Современные врачи по подробно описанным симптомам болезни определили, что Ламберто с младенчества страдал тяжелой формой бытового сифилиса. Известны ставшие хрестоматийными страницы, на которых Джованни Морелли излил чувства по поводу смерти своего сына Альберто: *Morelli G. Ricordi*. P. 505.

²⁷ Это хорошо прослеживается по домашним книгам, которые велись на протяжении поколений: Маттео Корсини, женившийся в 1362 г., считал свой брак очень удачным: невеста принесла 600 зол. флор., но через 20 лет за своей дочерью Маттео дал 900 флор., а его внучка в 1418 г. была выдана замуж с приданым, равным 1100 флоринов: *Il libro di ricordanze dei Corsini*. P. 65, 71–72, 81, 99, 107, 109–110. Этот же факт отмечал А. Петруччи во вводной статье к изданию книги Корсини: *Petrucci A. Corsini tra XIV e XV secoli*. P. XIV–XV.

«Если 40 лет назад (то есть, в середине XV в. — И. К.) самые богатые давали 1400 флоринов между горожанами высокого ремесла (то есть, старших цехов — И. К.), то теперь дают 2500–3000 флор., иначе невозможно выдать замуж. Чтобы выдать четверых или пятерых дочерей, надо иметь 15000 флор., которые будут затрачены без всякого возмещения. И приходится выдавать дочерей на виллы за людей невежественных и стариков, или держать их дома взаперти. Это смерти подобно — так выдавать замуж»²⁸.

Трудности, испытываемые главами семейств уже после попытки решить проблему на государственном уровне, — в 1425 г. был учрежден «Банк приданных» (*Monte delle doti*) — свидетельствуют о недостаточной эффективности этого института, куда почти все флорентийские отцы из зажиточных кругов вкладывали определенную сумму при рождении дочери²⁹. К концу XV в. проблема настолько обострилась, что Джироламо Савонарола в проповедях неоднократно требовал строго ограничить суммы приданого³⁰. Таким образом, можно предположить, что для женщин внутри семьи существовала определенная иерархия оценок, фиксирующая уровень их значимости в деле жизнеобеспечения потомства и созидания домохозяйства, а также определяющая степень их признания главой семьи и мужчинами-родственниками.

Внутрисемейный статус супруги, матери семейства и хозяйки дома, столь определенно отпечатавшийся в культурно-ментальных формах городской среды, четко очерченный, ясно определяющий комплекс прав и обязанностей женщины в браке, предусматривал, на первый взгляд, условия стабильного и относительно почетного положения замужних женщин в социуме.

Однако такое утверждение будет справедливым лишь отчасти. Даже жены и дочери весьма знатных и влиятельных лиц могли подвергнуться насилию и произволу со стороны не только своих мужей, но и посторонних лиц. Тот же Донато Веллутти упоминал о «несча-

²⁸ Цитата из «Хроники» Джованни Камби, относящейся к концу XV в., приводится по изданию: *Mazzone U.* «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. P. 88.

²⁹ *Machiavelli B.* Il libro di ricordi / A cura di C. Olschki. Firenze, 1954. P. 42–43, 91.

³⁰ В одной из проповедей он предлагал ввести тяжелые наказания, чтобы никто не предлагал и не требовал больше установленного максимума: *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo / A cura di L. Firpo. Roma, 1965. P. 224.

стной Никколозе», «вышедшей замуж за... из дома Барди, каковой ранил ее и бросил умирающей», после чего ее из милости приютила одна из родственниц; о монне Гверрьере, «маленькой и сухощавой, которая много настрадалась замужем за Джованни, графом де Коллегарли, ... поэтому мало прожила с ним, и умерла, не имея детей, в возрасте около 30 лет»³¹. Во флорентийских хрониках нечасто, но все-таки фиксировались казусы подобного рода, связанные с громкими скандалами или судебными разбирательствами. Маттео Виллани рассказывал о судебном процессе в начале 50-х гг. XIV в. над членами семьи «новых людей»³², принадлежащих к судейскому сословию. Глава семьи женил сына, взяв колоссальную сумму приданого — 3500 флоринов, ставшую непреодолимым искушением для жениха и его отца, которые задумали отнять все имущество у невесты и ее матери путем мошенничества, «прибегнув к самым недостойным способам их искусства» с помощью подложных документов. В суде заметили обман, и члены этой семьи были сурово наказаны высокими штрафами и длительными сроками изгнания³³. Эти случаи свидетельствуют, что законный брак не всегда являлся для жен гарантией защиты от произвола и насилия со стороны мужей.

Случались бесчинства и преступления, в которых замужние женщины становились жертвами посторонних людей. Джованни Кавальканти отмечал, что в его время (точная датировка отсутствует), Вьери Гваданы при содействии своего родственника Маттео похитил супругу у Антонио Джанфильяцци. Важно отметить, что старые флорентийские фамилии Гваданы и Джанфильяцци в XV в. считались знатными и входили в состав городской элиты³⁴. Что же говорить о положении женщин из низших слоев? Можно привести в

³¹ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 93. Коллегалли из Валь д' Эзола — фамилия, владеющая крепостью и маленьким графством, которое в различные времена находилось то под юрисдикцией Пизы, то Лукки, то Флоренции. См.: *Del Lungo I., Volpi C.* Nota 1 // *Velluti D.* La cronica domestica. P. 93.

³² Так называли во Флоренции недавно переселившихся в город людей, не имеющих давних корней.

³³ *Cronica di Matteo Villani // Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del professore M. Sartorio.* Vol. V. Milano, 1848. Libro II. Cap. LXXI. P. 196–197.

³⁴ *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale // *Grendler M.* The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 161.

качестве примера петицию в Синьорию жителя одного из флорентийских бургов Джованни ди Пьеро, выступающего от имени своей вдовой матери. Он свидетельствовал, что монна Джованна, его мать, вступила во владение наследством, полученным от ее отца согласно нотариально заверенному завещанию. Некий Африкелло ди мессер Аламанно де Медичи, «тиран и человек, который всегда жил нечестной жизнью посредством грабежа и обмана нищих и неимущих», ворвался в дом монны Джованны с целью принудить ее передать ему это имущество. Когда она отказалась, «он схватил ее за волосы и посредством шпоры в своей руке безжалостно изранил. Бедная женщина, с руками и ногами, израненными шпорами, убежала в дом своей родни и в короткое время умерла от ран и печали»³⁵. Итак, даже статус замужней женщины из элитарных слоев или почтенной, отнюдь не бедной вдовы, проживающей под покровительством своего сына, не всегда предохранял женщин от насилия и произвола.

В таком случае, следует предположить, что положение категорий женщин, имеющих более низкий статус внутри семьи, отличалось изначальной неустойчивостью. Перед угрозой маргинализации оказывались женщины разного возраста, пребывание которых в городских семьях считалось весьма нежелательным. Сюда следует отнести дочерей и сестер, лишенных шансов на замужество, проживание которых под родительским кровом создавало высокую степень риска для фамильной чести; уже упомянутых вдов, возвращающихся после смерти мужа к своему отцу или его консортам, незаконнорожденных дочерей и сирот, оставленных на попечение родственникам.

Крайне осложнялось положение для членов семей, испытывающих понижение социально-политического статуса в городском социуме из-за постоянной борьбы партий и фракций, особенно жен, дочерей и сестер политических изгнанников или мятежников³⁶. Же-

³⁵ Этот представитель фамилии Медичи был объявлен грандом и соответствующим образом наказан. Текст петиции из Флорентийского государственного архива, датированной 1377 г., опубликован: The Society of Renaissance Florence / Ed. by G. Brucker. New York, San Francisco, London, 1971. P. 120–121.

³⁶ О положении этих категорий женщин см.: *Краснова И. А.* Выдающиеся женщины Флоренции: жены политических изгнанников и вдовы // *De mulieribus illustribus: Судьбы и образы женщин средневековья.* СПб., 2001. С. 29–60; а также вступительную статью: *Веспасиано да Бистиччи.* Алессандра де Барди / Пер., коммент. и вступ. статья И. А. Красновой...

ны изгнанников продолжали состоять в браке и не могли особенно рассчитывать на поддержку собственной консортерии, представители которой часто стремились не только отмежеваться от ставшего нежелательным родства, но и воспользоваться бедственным положением женщин, не имеющих сноровки и опыта в ведении дел по управлению имуществом. Хрестоматийный пример такого рода содержится в письмах вдовы осужденного изгнанника Алессандры Мачинги Строцци, наполненных жалобами в адрес братьев, с которыми ей пришлось вступить в длительную судебную тяжбу, отстаивая интересы собственных сыновей³⁷. Для дочерей из приходящих в упадок семейств исчезали возможности вступления в престижный и почетный брак. Их потерю приходилось компенсировать, если имелась такая возможность, повышенными размерами приданого³⁸. Об этом свидетельствуют письма той же вдовы Строцци, которой приходилось пережить немало мытарств, выдавая замуж двух дочерей³⁹.

При этом сама монна Алессандра заняла столь же жесткую позицию, когда для нее наступил момент своеобразного реванша: в 1466 г. ее сыновья были амнистированы. Ожидая их возвращения во Флоренцию, мать спешно занялась поиском подходящих невест. Ее младший сын Лоренцо по сердечной склонности захотел жениться на Мариэтте ди Лоренцо Строцци, своей отдаленной родственнице, внучке умершего в изгнании Палла ди Ноффри Строцци. Мать и старший брат Филиппо решительно выступили против этого выбора, аргументируя несогласие узами кровного родства между Лоренцо и Мариэттой, а также возрастом девушки, которой уже исполнился 21 год, что давало им серьезный повод усомниться в том, что она сохранила девственность. При этом Монна Алессандра и Филиппо

³⁷ Lettera a Filippo Strozzi in Napoli 2/XI 1459 // *Macinghi Strozzi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli* / A cura di C. Guasti. Firenze, 1877. P. 204–205, 220.

³⁸ *Morelli G. Ricordi*. 46b. P. 180–181.

³⁹ Монна Алессандра сетовала, что брак старшей дочери с человеком достойным и знатным потребовал бы 1500 флор., тогда как в приданое за Катериной она могла дать лишь 1000–1200 флор., на долю младшей — Маргариты — приходилась меньшая сумма, поэтому пришлось согласиться на ее брак с человеком низкого социального статуса. См.: Lettera in Napoli 24/ VIII 1447 // *Macinghi Strozzi A. Op. cit.* P. 1–6. О тяжелых заботах отца, связанных с устройством брака дочерей, см.: *Morelli G. Ricordi*. 45b. P. 174–175.

признавали несомненную красоту Мариэтты и не могли привести никаких компрометирующих ее поведение фактов⁴⁰. Но главный довод состоял в том, что родство с деградирующей ветвью фамилии, идущей от Палла ди Ноффри, столь ненавистного членам правящего клана Медичи, неизбежно понизит статус братьев Строцци во Флоренции⁴¹. Мариэтту ее родственники были вынуждены выдать замуж за благородного человека из Феррары Теофило Кальканьини⁴². Брак за пределами Флоренции по традиции не считался достойным и престижным по сравнению с матримониальным союзом, заключенным внутри города, если судить по сходным ситуациям⁴³.

Для девушек и женщин из семей осужденных и изгнанных возрастала угроза стать жертвами насилия и беззаконий. Случай такого рода попал на страницы «Хроники» Маркьонне Стефани, который обличал преступления Капитана народа Обиццо дельи Алидози. Он указывал, что напротив палаццо Капитана находился дом, где обитала семья Риччардо де' Фильопетри, бедного человека, высланного из Флоренции. Две красивые дочери Фильопетри по причине отсутствия приданого и социально-политического упадка фамилии⁴⁴ не бы-

⁴⁰ Есть все основания полагать, что Мариэтта, кроме того, была хорошо воспитана и обладала изысканными манерами, то есть качествами, которых монна Алессандра требовала от кандидаток в невесты для своих сыновей, поскольку она являлась дочерью Алессандры де Барди Строцци, которую Веспасиано да Бистиччи прославил как образец женских достоинств. См.: *Веспасиано да Бистиччи*. Алессандра де Барди...

⁴¹ Lettera di Filippo Strozzi a Lorenzo Strozzi 27/ II 1469 // *Macinighi Strozzi A.* Op. cit. P. 594–595. Анализ планов матримониальной стратегии семьи Строцци в связи с этой ситуацией содержится: *Fabbri L.* Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del' 400. Studio sulla famiglia Strozzi. Firenze, 1991. P. 38, 45–46.

⁴² *Веспасиано да Бистиччи*. Алессандра де Барди. С. 243. Веспасиано называл Мариэтту «прекрасной дочерью» Алессандры де Барди.

⁴³ Во второй половине XIV в. флорентиец Сальвестро Веллутти просил пизанца Аньоло дельи Альи найти в Пизе жениха для своей племянницы, воспитывающейся в его доме во Флоренции, где девушка не имела возможностей вступить в брак по причине небольшого приданого (500 флоринов), но главное, из-за того, что ее отец был выслан по политическим мотивам. См.: Lettera in Pisa 10/X 1388 // Dall' archivio di Francesco Datini mercante pratese / A cura di G. Livi. Firenze, 1910. P. 48.

⁴⁴ Фильопетри или Фильипетри — очень древняя фамилия Флоренции, относящаяся к феодальной знати. Этот род пришел в упадок уже к XIII в.

ли выданы замуж. По городу распространились слухи, что Капитан народа влюбился в одну из них, увидев ее в окне. Он послал своего нотариуса и нескольких стражников в дом Фильопетри под предлогом проверки, не вернулся ли во Флоренцию самовольно изгнанник Риччардо. Они забрали девушку и привели в палаццо Капитана, где ее изнасиловали, а затем сын Обиццо, также участвующий в этом злодеянии, отвел ее к женщине, которая, по-видимому, содержала публичный дом. Вернувшийся домой брат девушки нашел сестру и в порыве ярости, желая наказать за позор, который она навлекла на семью, убил ее и спрятал тело. Капитан Алидози был осужден во Флоренции в 1382 г., но вовсе не за это преступление: «его обвинили в получении взяток, что было доказано»⁴⁵. Для хрониста Стефани эта история — не более чем заурядная иллюстрация, являющаяся еще одним доказательством порочности должностного лица: он не выражал никакой рефлексии по поводу 18-летней жертвы насилия и не высказывал осуждений в адрес ее брата. В свете этого казуса представляется вполне оправданным требование, предъявляемое к воспитанию дочерей в городской среде: им следовало запрещать выглядывать в окна, стоять в дверных проемах, выходить на улицу без сопровождения и с открытым лицом.

Понижение социального статуса фамилии, вследствие осуждения глав семьи или их изгнания по политическим мотивам, увеличивало риск маргинализации для женщин, попадающих в условия неблагоприятной конъюнктуры на брачном рынке, а часто вообще утрачивающих перспективы замужества. Именно для женщин, семейное положение которых оказывалось нестабильным, повышалась степень возможности и необходимости переступить ту грань, за которой они переставали быть женами, вдовами, дочерьми и сестрами, и перед ними открывался иной ряд социальных ролей: пинцокера, благочестивая монахиня, блаженная затворница и святая.

Разумеется, выходом из безнадежной ситуации для женщин являлся монастырь — «концептуальный синоним семьи», если употребить термин А. Бенвенути⁴⁶. Ситуация ухода членов семей из со-

⁴⁵ Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani / A cura di N. Rodolico // *Rerum italicarum scriptores*. Città di Castello. 1903–1913. T. XXX. Parte I. Rubr. 938.

⁴⁶ *Benvenuti Papi A. Mendicant Friars and Female Pinzochere in Tuscany: From Social Marginality to Models of Sanctity // Women and Religion in Medieval and Renaissance Italy*. Chicago, 1996. P. 84–103.

стоятельных флорентийских кругов в монастырь оказывалась в фокусе внимания авторов домашних книг. Вряд ли стоит приводить в подробностях очень яркие дискурсы, посвященные этому событию⁴⁷, поскольку все они касаются мужчин. Выделим лишь общие признаки, свойственные такого рода описаниям: прежде всего, демонстрируется несогласие семьи флорентийских граждан с выбором монашеского поприща одним из ее членов⁴⁸. Монашеский удел явно не воспринимался, как естественная ситуация и жизненное призвание, подобающее выходцу из богатой городской семьи, поэтому всегда подчеркивались такие условия ухода в монастырь: слишком юный возраст, неопытность, отсутствие в критический момент старших родственников, обольщения со стороны монахов и проповедников, а также ненормальное психическое состояние вследствие чрезмерных постов и ночных молитвенных бдений.

Итак, в указанных дискурсах постулировалась нежелательность монашеского удела для сыновей, но ничего подобного не обнаруживается в отношении дочерей и сестер, что позволяет предполагать, что для них такой исход считался более приемлемым. Но признать этот тезис следует с некоторой осторожностью. К концу XIV и в XV вв. отцы семейств вряд ли считали монашеское поприще оптимальным жизненным вариантом для своих близких родственников — сестер и дочерей. В какой-то степени такой шаг свидетельствовал о некоторой несостоятельности или непредусмотрительности главы семьи. Идеальный вариант все-таки состоял в том, чтобы должным

⁴⁷ *Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. Firenze, 1892. P. 16–21.* Описан случай ухода в монастырь 14-летнего подростка Алессио Строцци в первой половине XIV в.

⁴⁸ В «Домашней хронике» Донато Веллутти это проявляется в двух описаниях попыток представителей фамилии стать монахами: *Velluti D. La cronica domestica. P. 41, 151–153.* В первом случае родственники отговаривают юношу от монастырского затворничества, и он возвращается к деятельности купца и банкира. Во втором — Лоттьери, младший брат Донато, отстаивает свой выбор и становится ученым монахом, которым гордится семья. В «Жизнеописаниях» дома Строцци повествуется об отчаянных попытках дяди и матери Алессио извлечь мальчика из доминиканской общины Санта Мария Новелла: они изобличали порочность общежития монахов, но не помогло даже обращение могущественного дяди к римскому понтифику. Алессио настоял на своем и стал в последствии выдающимся богословом: *Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. P. 16–21.*

порядком пристроить всех женщин, находящихся под опекой хозяина дома. Вероятно, поэтому Лука да Панцано старался, может быть, несколько нарочито, продемонстрировать свое недовольство тем, что его дочь Лена, в одиннадцатилетнем возрасте вовлеченная в покаянное движение «Белых», пожелала уйти в монастырь. В течение полугода отец, по его собственному заявлению, пытался вызволить ее оттуда, упорно позиционируя при этом свою состоятельность и готовность обеспечить приданым всех пятерых своих дочерей. Возможно, что в этом случае его заверения не являлись до конца искренними, учитывая возраст дочери. Он изрядно сэкономил на приданом Лены, внося в обитель вклад в 300 флор., тогда как для обеспечения замужества других дочерей потребовались суммы до 1500 флор.⁴⁹ Этот казус еще раз убеждает в том, что наилучшей считалась тенденция к тому, чтобы избежать монастырского удела и для дочерей, хотя в реальности все выглядело иначе.

Семейные архивы флорентийских граждан отразили эту реальность. «Домашняя хроника» Веллутти, по которой можно воссоздать определенный ряд, содержит восемь аннотаций, свидетельствующих о помещении женщин в монастырь. Они очень лаконичны и бедны информацией, которая скудно проникала в семью из-за монастырских стен. Описывая потомство одного из отдаленных родственников, Донато указывал, что из четырех или пяти сестер его жены две стали монахинями⁵⁰; еще одна родственница в 1369 г. «вышла замуж за мессера Господа Бога», вступив в монастырь Сан Маттео Арчетри⁵¹; упомянуты также монна Джованна, жена Дино, каковая, овдовев, стала монахиней в Сан Донато да Рифреди; Росса, дочь Туччо, умершая до эпидемии 1340 г., которая стала монахиней в монастыре Санта Феличита; Маргарита, младшая дочь Филиппо, прозванная Тита, «вступила в монастырь Риполе делла Скала в этом году (1369)»⁵². Морелли упоминал, что две из трех дочерей Бартоломео⁵³ стали монахинями: одна в Сан Пьеро Маджори во Флоренции; вторая, «которая была нездорова, постриглась в монастырь Сан Фран-

⁴⁹ *Luca da Panzano Firidolfi*. Ricordanze. P. 160–161.

⁵⁰ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 39.

⁵¹ *Ibid.* P. 50.

⁵² *Ibid.* P. 93, 135, 309.

⁵³ Деда автора.

ческо...»⁵⁴. Понятно лишь, что слабая здоровьем Лизабетта вряд ли могла рассчитывать на замужество.

Более пространные упоминания о родственницах-монахинях редки и касаются неординарных случаев. В хронике Донато Веллутти выделяются всего две таких аннотации. Относительно сестры жены Донато, «монахини Катерины, дочери мессера Ковоне (тесть автора), Веллутти счел нужным присовокупить мало о чем говорящую характеристику: «Она была прекрасной, мудрой и честной женщиной: умерла в феврале или, может быть, в марте 1350 г.»⁵⁵. Второй казус, начинающийся констатацией факта: «Еще до чумы 1348 г. Пиккарда была помещена своим отцом Маттео в монастырь Санто Маттео Арчетри», можно считать выдающимся. Донато подчеркивал волеизъявление отца, не объясняя его причин. Однако Пиккарда смогла реализовать себя в монашеской общине, и родственники гордились ею:

«Затем она долго там состояла и вела честную и добрую жизнь, оставаясь доброжелательной и умеренной; по ее благости и добродетелям, когда в этом монастыре находилось много монахинь во времена епископа Флоренции Филиппо дельи Антеллези (управлял флорентийской церковью с 1356 по 1361 гг.), она стала настоятельницей, и разросся при ней этот монастырь, который она вытянула из многих долгов, каковы у него имелись»⁵⁶.

В роду у Лапо ди Никколини Сиригатти, богатого шерстяника, активно участвующего в управлении государством, имелась монахиня Лена, сводная сестра Лапо по матери, упомянутая среди женщин семьи, которым они с братом должны были оказывать помощь, беря на себя письменные обязательства⁵⁷. Чуть позже о ней появилась новая запись:

«Господь призвал к себе Лену, монахиню, дочь Тано Агинетти, рожденную нашей матерью в 1396 г. И она составила завещание. Наследникам она оставила капеллу св. Николая, что в Сан Симоне, где изображены и выгравированы наши и ее гербы. И завещала она, чтобы я, Лапо, или мои родственники, или мои наследники, стали владельцами капеллы, и получили право выбирать священ-

⁵⁴ Morelli G. Ricordi. 43a. P. 160.

⁵⁵ Velluti D. La cronica domestica. P. 295–296.

⁵⁶ Ibid. P. 51.

⁵⁷ Niccolini de Sirigatti L. Il libro degli affair proprii di casa. P. 77–78.

ника, который отправлял бы должность в этой капелле, а также отписала она на содержание этой капеллы подере в Муджелло и виноградник в приходе Сан Донато, в Скопето»⁵⁸.

В честь благочестивой монахини Лапо назвал одну из дочерей Леной⁵⁹. И в этом случае слишком мало информации, чтобы судить, по каким причинам Лена, определенно имевшая собственное имущество, видимо, унаследованное от отца, стала монахиней. Можно лишь с некоторой долей вероятности предполагать семейное неблагополучие, поскольку Лена стала объектом забот своих сводных братьев, рожденных ее матерью во втором браке: довольно редкий случай в домашних книгах горожан. Вопрос о том, насколько женщины могли реализовать свои культурные потребности и властные амбиции в стенах монастыря в период позднего Средневековья, пока только находится в стадии научной разработки, хотя интерес к нему резко возрос в последние три десятилетия⁶⁰.

В XIII–XIV в., когда женских монастырей в городе и окрестных землях было еще мало, и они, очевидно, не могли вместить всех желающих, выход находился в таких религиозных формах, как затворничество и вступление в ряды терциарий (*terziaria, tertiaria, tertia*) или пинцокер (*pinzochera*), группирующихся вокруг монастырей, прежде всего, конвентов нищенствующих монахов.

Описания вступления женщин в общины терциарий или пинцокер, когда они облачались в соответствующее платье и обязыва-

⁵⁸ Ibid. P. 90.

⁵⁹ Ibid. P. 99–100.

⁶⁰ В 1961 г. Грегорио Пенко, видный исследователь истории монашества, констатировал практически полное отсутствие данных о женских монастырях и призвал ученых обратиться к этим проблемам: *Penco G. Storia del monachesimo in Italia dalle origini alla fine del medioevo*. Roma, 1961; Milano, 1983; Milano, 1995; В последние годы появился ряд основательных трудов: *Zarri G. Monasteri femminili e città (secoli XV-XVIII) // Storia d'Italia. Annali. 9*. Torino, 1986. P. 357–429; *Albuzzi A. Il monachesimo femminile nell'Italia medioevale // Dove va la storiografia monastica in Europa? Temi e metodi di ricerca per lo studio della vita monastica e regolare in età medievale alle soglie del terzo millennio. Atti del Convegno internazionale. Brescia-Rodengo, 2000 / A cura di Giancarlo Andenna. Milano, 2001 P. 133–137, 155–162. Аннализа Альбуцци, признавая определенные сдвиги в изучении женского монашества в Италии, указала на некоторую скудость сведений о тех возможностях и перспективах, которые открывались перед монахинями.*

лись исполнять устав определенного ордена, чаще всего оставаясь в своем доме, а иногда продолжая исполнять обязанности супруги и хозяйки, содержат у Веллутти больше информации, нежели сведения о монахинях, полностью порвавших связи с миром и замкнувшись в монастырских стенах. Всего упоминается 7 таких случаев. Некоторые невозможно комментировать, потому что они представляют сухую констатацию факта: дочь одного из представителей рода (ее имя не приводится) была пинцокерой Санто Спирито и умерла во время мора 1348 г.⁶¹ Второй казус представлен краткой историей о судьбе старой девы, которая по неизвестным причинам не смогла выйти замуж:

«Пьера, дочь указанного Герардо (дядя автора «Хроники» — И. К.), стала пинцокерой при братьях-отшельниках Санто Агустино. Жила она в Монтальбино с отцом, и там умерла от чумы 1348 г. на день раньше того, как умер ее отец, и вместе там же они были похоронены в церкви Сан Микеле. Было ей, когда она умерла, лет 35 или побольше»⁶².

Нужно отметить одну деталь: в одеяние монахов Св. Августина Пьера облеклась вместе со своим отцом, о котором сообщалось ранее, что в молодости он пытался примкнуть к отшельникам Сан Спирито, затем долгое время обитал вместе с епископом Флоренции, своим двоюродным братом. Возможно, Герардо мог оказать влияние на выбор дочери.

В третьем случае речь шла о персоне во всех отношениях нежелательной, незаконнорожденной племяннице Донато Веллутти.

«Аньола, дочь-бастарда указанного Пиччо (брат Донато Веллутти — И. К.), родилась в Трапани на Сицилии, и была дочерью одной булочницы, или, может быть, изготовительницы лазаньи».

Автор указывал на то, что бездетный Пиччо не желал принимать Аньолу, хотя был «достаточно побуждаем к этому мной и моей женой». После смерти Пиччо узнали, что мать девочки умерла, и по признанию автора «Домашней хроники», «вышло так, что я распорядился ее привезти». Собственное великодушие не принесло Донато удовлетворения:

⁶¹ Velluti D. La cronica domestica. P. 60.

⁶² Ibid. P. 106, 109.

«Все же я сомневался в том, что она была его дочерью, видя ее тупоумие и то, что она совсем не пошла в него; но поскольку в его завещании было сказано, чтобы оставить 50 флоринов для ее замужества, то она, наверное, все же была его дочерью. Но также я учитывал, что от всего нашего рода не осталось никого, кроме меня, брата Лоттьери (монах), моего сына Ламберто и Тессы ди Герардо, и чтобы она не ступила на дурной путь, а также из милосердия и любви к Богу, я приказал ее привезти».

Донатто удалось найти для Аньолы мужа, но к его досаде она скоро вернулась в его дом вдовой:

«Эта Аньола после смерти мужа долгое время оставалась со мной: я хотел вновь выдать ее замуж, но не представилось к этому случая, ибо она была вдова и бастарда: наконец, к моей чести, и потому, что имел в ней большую нужду (видимо, как в служанке — И. К.), брат Лоттьери заставил ее стать пинцокерой по их уставу, то есть отшельников Св. Августина, в декабре 1366, и туда последовала она с надеждой на Господа»⁶³.

Видимо, история Аньолы была характерной для незаконнорожденных дочерей, вынужденных довольствоваться милостью родственников. С почти циничной прямоотой, которая, как правило, не проявляется в отношении родных дочерей, автор хроники декларировал свое нежелание увеличить сумму приданого для племянницы-бастарды. Он не скрывал и прямого принуждения Аньолы со стороны членов семьи к вступлению в пинцокеры Св. Августина.

Последующие аннотации, в которых речь шла о пинцокерах, заключают в себе определенные особенности. Донатто повествовал о Джемме Пульчи, второй жене своего деда Филиппо, жившей прежде по соседству. Филиппо Веллутти женился на Джемме в весьма преклонном возрасте, и сам шутил по этому поводу: «Теперь понадобилось мне иметь жену, словно чирей меня одолевает», тем не менее, и в этом браке у него родилось двое сыновей, один из которых умер в детстве. Монна Джемма после гибели своего сына Алессандро в возрасте около 22 лет (разбился, свалившись с высокой гробницы во время ловли голубей — И. К.) «ушла обитать в Санта Кроче, став пинцокерой в ордене Св. Франциска». Она получала, пока жила, плату за сдачу в наем домов в количестве 500 флоринов [в год].

⁶³ Ibid. P. 147, 150.

Приказала соорудить капеллу у церкви Санта Кроче близ выхода из сакристии, известную под названием Сан Микеле...: «там написаны наши гербы с той стороны; и я приказал пристроить железную решетку после чумы 1348 г. Она умерла во время чумы 1340 г., почти уже впад в детство. Она была мудрой и честной женщиной, и хорошей хозяйкой»⁶⁴. Думается, на решение Джеммы, состоятельной вдовы, повлияло семейное положение: она осталась одиночкой без близких родственников мужчин и, видимо, не хотела возвращаться в род Пульчи, не имея в силу возраста шансов на новое замужество.

Следующая история являлась яркой иллюстрацией того, как зависело положение женщины от ухудшения социально-политического статуса семьи ее мужа. Речь шла о тетке первой жены автора «Домашней хроники» монне Тиче Ковони, «сестре мессера Ковоне», «каковая сегодня пинцокера в Санта Мария Новелла (доминиканский монастырь во Флоренции)». Донато сообщал, что у этой «добрейшей, прекрасной и мудрой женщины были три мужа, но ни от одного не осталось ребенка». Третьим мужем Тиче стал Ченни (Бенчивенни) ди Нардо Оричеллаи (Ручеллаи), «затем брат Бенчивенни, затем мессер Бенчивенни»⁶⁵, «каковой в то время происходил из богатых и именитых горожан Флоренции». Ченни Ручеллаи был сыном Наддо ди Ченни Ручеллаи, комиссара флорентийских войск в Лукке (1341–1342), на которого герцог Афинский хотел свалить всю вину за проигранную войну. Сначала Готье де Бриенн не решился предать Наддо казни:

«по просьбе многих пополанов осужденному было оказано снисхождение и сохранена жизнь под залог 10000 зол. флоринов, а приговорен он был к ссылке в Перуджу».

Потом герцог присвоил залог, а Наддо казнил, привязав цепью за шею, чтобы тело нельзя было снять с виселицы⁶⁶. Хронисты и биографы свидетельствовали о двойственном отношении к Наддо и

⁶⁴ Ibid. P. 74, 106.

⁶⁵ Муж монны Тиче, чтобы спастись от расправы во времена герцога Афинского, постригся в монахи и стал братом Бенчивенни, укрывшись за стенами монастыря, затем, после изгнания герцога, вступил в Орден Веселящихся Братьев и принял рыцарское звание. См.: *Del Lungo I., Volpi C. Nota II. P. 295.*

⁶⁶ Виллани Д. Новая хроника, или история Флоренции. М., 1997 / Перевод, статья и примечания М. А. Юсима. XII. 2. С. 398–399; XII. 8. С. 406.

его отцу Ченни Ручеллаи, казначею коммун, которых упрекали за «дерзость» и «надменность», но отмечали мудрость и опытность этих «видных пополанов»⁶⁷. Чтобы спасти свою голову от виселицы Ченни ди Наддо постригся в монахи, а его жена стала пинцокерой:

«Надела указанная монна Тиче монашеское одеяние для спасения мужа во времена герцога Афинского, синьора и тирана Флоренции, когда муж ее сделался братом Ченни, поскольку подвергался многочисленным преследованиям со стороны герцога и его свиты. Эта монна Тиче в 1369 г. подхватила сильную лихорадку, от которой, как я думаю, судя по всему, она и умерла»⁶⁸.

Монна Тиче 27 лет оставалась пинцокерой, ступив на этот путь под давлением политических обстоятельств и решению супруга.

Наиболее интересной кажется история двух сестер из семейства Веллутти, которые очень хотели, но так и не смогли обзавестись мужьями. Они были младшими дочерьми Лапо ди Донато Веллутти, по отношению к которому, как и к его потомству, автор хроники демонстрировал некоторое пренебрежение, ибо они не преуспели в торговле и банковском деле. Об этом свидетельствуют эпитеты, которыми он щедро награждал мужчин этого рода: «строптивый», «грязный», «большой болтун, но не слишком умный»⁶⁹. На долю младших дочерей осталось меньше средств для обеспечения приданого, поэтому «Чилия и Герардина не вышли замуж», некоторое время проживая под опекой своих братьев на положении прислуги. Автор подчеркивал, что «они оставались долгое время старыми девами с надеждой на замужество, потом надежда покинула их из-за несостоятельности, и они сделались пинцокерами Санто Спирито». Вступление в терциарии Сан Спирито привело к несколько неожиданному результату, хорошо известному Веллутти, потому что он общался с этими тетушками,

⁶⁷ Там же. XI. 140. С. 396; XII. 8. С. 406. Один из хронистов, как и Джованни Виллани, считал их «видными пополанами, пользующимися большим авторитетом, но слишком дерзкими»; «Наддо был человеком мудрым, очень опытным и столь ценным, что в то время в городе не имелось ему равных», но «он был отмечен особой дерзостью и самонадеянностью, за которые должен был понести тяжелое покаяние, ибо возгордился более, чем это принято в республике, за что особо достоин порицания» — *Cerretani B. Storia fiorentina*. A cura di G. Berti. Firenze, 1994. P. 122–126.

⁶⁸ *Velluti D. La cronica domestica*. P. 295–296.

⁶⁹ *Ibid.* P. 54–56.

которые его привечали, в детстве: «Они хорошо наживались и улучшили свою жизнь, перематывая шерсть, тогда как их братьям пришлось держать служанок. Были они очень любящими и ласковыми, но большими болтушками», унаследовав любовь к пересудам и пустым разговорам от их матери⁷⁰.

Об экономической деятельности терциариев, примыкавших для покаянной практики к тому или иному монастырю, известно не так много. А. Бенвенути Папи указывала на то, что монахи нищенствующих орденов часто привлекали кающихся мужчин, облачившихся в доминиканскую или францисканскую рясу, к исполнению обязанностей управляющих различными секторами хозяйства и статьями доходов, в изобилии притекающих к монастырю, ибо устав запрещал мэндикуантам иметь дело с собственностью и прибылями. Женщины, группирующиеся вокруг монашеских общин в XIII–XIV вв., помимо ухода за больными в монастырских госпиталях и управления некоторыми госпитальными службами, активно занимались различными видами текстильных ремесел, и их успешная деятельность привлекала многих флорентийцев к вступлению в пинцокеры⁷¹. С начала XV в. монахи и кающиеся мужчины старались отстранять женщин от этих форм экономической активности, вытесняя их также из госпиталей. Папство поддерживало эти усилия, стремясь взять под более жесткий контроль проявления женской религиозности и превратить по возможности анклав пинцокер в маленькие конвенты с обязанностью полного соблюдения монашеского устава.

Тем не менее, занятия пинцокер текстильными ремеслами отразились даже в житиях некоторых святых и блаженных XIII–XIV вв. Примером может послужить «Легенда» о Ванне (Джованне) ди Орвьето, составленная в 1323 г., спустя 17 лет после смерти святой, со слов очевидцев монахом-доминиканцем из Орвьето Джакомо Скальца. Ванна (1264–1306) родилась близ города Орвьето в Умбрии в незнатной семье. Оставшись сиротой в раннем детстве, она воспитывалась в доме родственников, научивших ее прядению, ткачеству и вышиванию. В ранней юности Ванна стала терциарией Покаяния святого Доминика и быстро овладела практикой мистических экстазов и пророчеств, которая подробно описана в «Легенде». Она вы-

⁷⁰ Ibid. P. 60.

⁷¹ *Benvenuti Papi A.* «In castro poenitentiae» Santità e società femminile nell'Italia medievale. Roma, 1990. P. 17–49.

ступала как моральный наставник своих современников в повседневных делах милосердия. Несомненный пророческий дар поставил ее в центр внимания гражданских властей. Исполнение гомилетической обязанности у Ванны превращалось в пантомиму, сопровождающую слово: телодвижениями и жестами она изображала эпизоды евангельской истории, имитируя страсти Христовы в момент распятия. Ранние утренние часы Ванна проводила в молитвенной созерцательности, уединившись в маленькую келейку на чердаке своего жилища. Летом и зимой она сбрасывала там одежды и облачалась в простой мешок, оставаясь застывшей и неподвижной несколько часов. Согласно «Легенде», даже в мороз пот в изобилии струился по ее телу, «столь интенсивен был жар божественной любви». Но образ святой из Орвьето интересен для нас по другой причине: под своим кровом Ванна собрала терциарий — женщин и девиц, которых обучала ремеслу вышивания. Их работа пользовалась спросом и, видимо, приносила большую прибыль, поскольку они производили предметы роскоши по заказу храмов, монастырей, но также богатых и знатных светских лиц, отделявая их одежду очень дорогими вышивками и золотым шитьем. Дошедшие сведения не раскрывают, каким образом был организован труд в мастерской, созданной и руководимой святой Ванной, известно лишь, что она продолжала свою деятельность до конца жизни. В «Легенде», насколько можно судить, не комментируется, казалось бы, очевидное противоречие: как сочеталась святость Ванны, ее мистические пророчества и молитвенные экстазы со своего рода «индустрией роскоши», изготовлением заведомо греховных предметов суетности и тщеславия, а также элементами предпринимательства, которые, несомненно, требовались для управления такого рода деятельностью. Скальца лишь указывал, что Ванна сама до вечера работала иглой вместе со своей «фамилией»: доминиканец явно пытался представить этот труд лишь как средство религиозной дисциплины⁷².

Итак, почти во всех выявленных случаях ухода женщин в монастырь или третьи ордена наблюдается их нестабильное положение в семье: перед нами предстает вереница вдов, оставшихся без близких родственников, дочерей и сестер, лишенных шансов на замужество,

⁷² *Tozzi I. L'esperienza femminile nell'ambito del terz' ordine della penitenza di San Domenico. Note biografiche: Vanna da Orvieto (1264–1306), Margherita da Città di Castello (1287–1320), Lucia da Narni (1476–1544) // Rassegna storica online n. NS (IV), 2003. Режим доступа: <http://www.medio-evo.org/misticaepolitica.htm>.*

нежеланных бастард, наконец, женщин из семей, испытывающих социально-политический упадок. Интересно, что судьба одной из самых почитаемых во Флоренции женщин, блаженной затворницы Умилианы де Черки, вполне вписывается в этот ряд.

Городская среда Флоренции дала немного примеров женского затворничества, которые более были свойственны для сельской местности, небольших городков и крепостей⁷³, а также изобиловали в Риме, что было связано с практикой юбилейных паломничеств, организуемых папским престолом⁷⁴. В истории блаженной Умилианы де Черки⁷⁵ проявился конфликт незаурядной личности с семейным кланом, в котором женщина упорно противостояла попыткам мужчин рода распорядиться ее судьбой.

Умилиана (1219–1246), происходившая из знаменитой фамилии Черки, в возрасте 15 лет была выдана замуж за богатого купца из рода Бонагвизи, промышленяющего также и ростовщичеством. Агиографы представляли Умилиану образцовой супругой, которая, тем не менее, осуждала порочность ростовщической деятельности мужа, неустанно молилась за него и пыталась искупить грех щедрой благотворительностью. В течение трех лет брака она раздаривала бедным и больным великолепные одежды, драгоценные камни, дорогие предметы домашнего обихода; собственноручно стряпала еду и шла для них в ночные часы в компании с Равенной, родственницей по мужу, на попечение которой Умилиана оставила двух своих маленьких детей после смерти супруга. Молодой и богатой вдовой она вернулась в отцовский дом, где немедленно подверглась принуждению к вступлению во второй брак, выгодный и престижный для ее рода, чему она решительно воспротивилась, потребовав у отца, Вьери де Черки, предоставления ей отдельного помещения для проживания, а также тех денег и имущества, включая немалую сумму своего приданого, с которыми она вернулась из дома мужа. Вьери присвоил не только ее приданое, но даже и вдовью долю, выделенную ей по завещанию супруга, из-за чего дочь преисполнилась отчуждения и враждебного отношения к отцу, также категорически запретившему ей уход в монастырь при церкви Сан Пьетро в Монтичелли.

⁷³ *Benvenuti A.* Firenze e santa Umiltà // Umiltà da Faenza. Sermones. Le lezione di una monaca. Firenze, 2005. P. 495–505.

⁷⁴ *Barone G.* Op. cit. P. 355–360.

⁷⁵ Умилиана провозглашена блаженной в 1694 г. папой Иннокентием XII.

Тогда Умилиана приняла францисканский устав и стала терциарией при монастыре Санта Кроче. Она своевольно захватила часть фамильного палаццо Черки, вступив в судебную тяжбу со своим кузеном, который хотел ее оттуда выдворить, уединилась от семьи в одной из башен и больше не выходила оттуда до смерти, ведя жизнь затворническую и созерцательную почти в нищете. Дни и ночи Умилианы, видимо, тяжело больной, были полностью посвящены молитвам и аскетическим практикам, прерываемым ужасными дьявольскими видениями, которые не могли поколебать ее веры. Ей наносили визиты многие знатные граждане и женщины, которые при жизни считали ее святой⁷⁶. В борьбе с представителями своей семьи Умилиана одержала своеобразную победу, прославившись при жизни, хотя ее поведение не соответствовало сложившимся стереотипам женской покорности и христианского смирения.

Все рассмотренные выше казусы едва ли возможно интерпретировать как результат самостоятельного решения женщин, следующих религиозному призванию в качестве основного побудительного мотива. Но было бы слишком категорично полностью отвергать индивидуальный выбор, продиктованный искренним и глубоким стремлением к жизни в аскезе и покаянии⁷⁷. Во Флоренции в этом отношении, пожалуй, показательна биография блаженной Вилланы делле Ботте (1332–1361)⁷⁸, дочери очень богатого купца, в 1351 г. выданной замуж за знатного флорентийца Россо ди Пьеро Бенинтеди. В житиях Вилланы утверждалось, что с детства она испытывала призвание к уединению и молитвенной созерцательности и даже пыталась бежать из дома в монастырь. Однако в замужестве Виллана прельстилась роскошью и светскими удовольствиями, которыми была окружена в семье супруга, до тех пор, пока, любуясь на себя в зеркало, не увидела, что в нем отражается чудовищный монстр, образ которого затем показывали ей все зеркала, в которые

⁷⁶ Авторы, исследующие женскую святость, наряду с латинским текстом используют перевод «Легенды» на *volgare*, опубликованный Доменико Морени: *Moreni D. Leggenda della beata Umiliana de' Cerchi*. Magheri, 1827. См.: *Benvenuti Papi A. Mendicant Friars and Female Pinzochere in Tuscany: From Social Marginality to Models of Sanctity*. P. 87–88.

⁷⁷ А. Бенвенути Папи приводила примеры, которые можно толковать как индивидуальный выбор женщин: *Benvenuti Papi A. Mendicant Friars and Female Pinzochere in Tuscany: From Social Marginality to Models of Sanctity*. P. 86–87.

⁷⁸ Провозглашена блаженной в 1824 г. папой Львом XII.

она пыталась заглянуть. Под воздействием своего духовника-доминиканца, монаха Санта Мария Новелла, Виллана облачилась в платье пинцокер Покаяния Св. Доминика, оставаясь женой и хозяйкой дома, хотя и склонилась потом вступить в ряды терциариев мужа и отца. До конца дней она вела аскетический образ жизни и творила щедрую милостыню за счет средств от продажи богатого имущества своего супруга после его смерти, так что соседи осуждали ее за нерациональную с их точки зрения благотворительность. Тело Вилланы терзали жестокие приступы лихорадки и пронзающая боль, которые она воспринимала, как искупление своих прежних грехов, никогда не пытаясь облегчить страдания, но моля Господа о том, чтобы он удвоил муки. Ее посещали райские и дьявольские видения, описания которых скорее представляли топос, используемый почти во всех житиях святых женщин. После ее смерти тело не предавали земле 37 дней, потому что толпы людей шли поклониться останкам и помолиться у гроба блаженной Вилланы⁷⁹.

Ситуации, которые мы пытались анализировать, ограничены кругом семей, относящихся к полноправным, добропорядочным и обеспеченным слоям флорентийских граждан, в которых в меньшей степени были распространены такие маргинальные образы женской святости, как паломничество и странничество, связанные с нищенством. Эти облики святости более подобали крестьянкам, служанкам и другим представительницам социальных низов.

Исследуемый материал в целом подтверждает выводы Анны Бенвенути Папи, сделанные на основе исследования агиографий местных святых тосканских городов: основной причиной облачения в монашескую рясу или одеяния пинцокеры являлось нестабильное положение в семье довольно многих категорий женщин. Неустойчивость их статуса определялась целой серией факторов, к которой следует отнести, прежде всего, относительно высокие требования, предъявляемые к потенциальным невестам на брачном рынке, где фигурировали только представители узких городских слоев. Не менее важную роль играли специфика демографической ситуации и волны следующих одна за другой чумных эпидемий, предельно обостряющих болезненные для семьи и общества проблемы вдовства и сиротства. Значительное влияние оказывали и социально-политические реалии городского социума: экономиче-

⁷⁹ *Tozzi I. Op. cit. Cap. La sublimazione della sofferenza.*

ские банкротства семейных компаний, вендетты фамильных кланов, борьба различных партий и фракций, всегда оканчивающаяся серией осуждений, обвинений в мятежах и заговорах, конфискации и изгнаний, лишали шансов на замужество представительниц семей, испытывающих быстрый процесс социально-политической деградации. Городское сообщество сохраняло патриархальный характер, поэтому женщины в целом являлись более уязвимой и беззащитной его частью, даже если речь шла о знатных и богатых, состоящих в законном браке, горожанках. Все эти обстоятельства действовали как факторы семейного и социального принуждения.

Вместе с тем, можно предположить, что уход в монастыри и вступление в общины терциариев, позволяющие предотвратить крайние формы женской маргинализации, предоставляли некоторые гарантии, защищая от порочащих слухов и проявлений прямого насилия. Женщины получали морально-религиозную поддержку и утешение в среде единомышленниц, а также могли рассчитывать на постоянное пастырское наставление и духовную опеку со стороны монахов и представителей церкви. Определенные перспективы открывались вследствие участия в различных формах экономической деятельности, которой занимались терциарии в XIII–XIV вв. Ранги святых и блаженных являлись уделом лишь немногих, но, видимо, возможность вести эмоционально насыщенный образ жизни, практикуя различные формы благочестия, милосердия и благотворительности, становилась доступной для гораздо большего числа женщин. Нельзя исключать в очень редких случаях достижение чина канониссы, приоры или аббатисы, предоставляющего более высокий статус в монастырской иерархии, что позволяло полнее реализовать интеллектуально-культурные потенции и властные амбиции монахинь. Возможности, открываемые церковно-религиозными структурами, вероятно, в ряде случаев, оказывающиеся более предпочтительными, нежели зависимость от родственников, заставляют не отвергать предположение о стремлении самих женщин к иной иерархии социально-культурных ролей, в корне отличных от навязываемых семьей и обществом стереотипных образов.

*Краснова Ирина Александровна
доктор исторических наук, профессор, заведующая
кафедрой истории древнего мира и средних веков
Ставропольский государственный университет.
E-mail: gorward_e-mail.ru*